Илья Утехин

О метауровне коммуникации в ходе совместной деятельности

В статье на основании экспериментального исследования коммуникативного взаимодействия в диаде участников выделены различающиеся по функции типы высказываний, которые отсылают к разным компонентам совместной деятельности и принадлежат метауровню коммуникации. Ситуации высококооперативной эффективной коммуникации рассматриваются наряду с такими, где коммуникация оказывается асимметрична в силу коммуникативной или когнитивной неполноценности одного из участников. Сформулированы предположения о соотношении эксплицитных метавысказываний и имплицитной метаинформации.

Ключевые слова: задание на соответствие, модель психического, конверсационный анализ, метакоммуникация, социальное распределение когнитивных процессов

К тому, чтобы сформулировать соображения, приводимые ниже, нас подтолкнула практическая необходимость классифицировать некоторые типы высказываний по их функции. Материалом послужил корпус записанных на видео диалогов в ходе совместной деятельности, отдаленно напоминающей ту, с описания которой начинаются «Философские исследования» Л. Витгенштейна [1994, с. 81, 83, 84]. В пунктах 2 и 8 Витгенштейн описывает примитивные

Утехин Илья Владимирович — антрополог (по базовому образованию лингвист; СПбГУ, 1992), кандидат исторических наук (ИАЭ РАН, 2000), профессор факультета антропологии ЕУСПб. Научные интересы: этнография коммуникации, конверсационный анализ, антропология технологии, взаимодействие человека и техники, визуальная антропология, изучение советской и постсоветской повседневности, антропологическое изучение инвалидности.
Статья подготовлена в рамках сотрудничества ЕУСПб с Фондом Сколково по программе Science and Technology Studies.

модели языка, в которых языковая деятельность обслуживает практическую: строитель обращается к своему помощнику, называя те или иные детали, а помощник находит их и подает строителю либо помещает в указанное строителем место.

В нашем эксперименте участники тоже совместно выстраивают некую конструкцию, причем один из них руководит стройкой, имея перед глазами образец конструкции и сообщая, что нужно сделать, а другой выполняет инструкции по сборке, пользуясь разрозненным набором деталей. В отличие от участников упомянутой выше языковой игры, предложенной в качестве примера Витгенштейном, наши инструктор и строитель вольны пользоваться языком как угодно и не ограничены названием деталей. Однако общаются они через ширму и соответственно не видят ни друг друга, ни того, что перед глазами партнера.

Выбор каждого очередного элемента, подходящего под данное партнером описание, требует некоторого усилия мысли потому, в частности, что у этих деталей нет готовых названий: их нужно подобрать или придумать на ходу. Заимствуя образ, который использовал Джон Серль, можно было бы сказать, что тут участники решают задачу, сводящуюся к установлению соотношения слова и мира. Напомним, что в обсуждении критериев классификации речевых актов Серль противопоставлял два случая: когда некоторое положение дел в мире хронологически и логически предшествует ситуации, выраженной в пропозициональном содержании высказывания, и когда, наоборот, пропозициональное содержание выражает некоторое положение дел, которое еще не существует, но, возможно, осуществится благодаря совершаемому речевому акту. Второй случай — это случай человека, набирающего корзину продуктов в супермаркете по списку, который ему написала жена (список первичен по отношению к соответствующему фрагменту мира, т. е. к содержимому корзины). Первый же случай можно проиллюстрировать, представив себе, например, маркетолога, который смотрит, что покупатель кладет себе в корзину, и записывает это себе в список (набор продуктов в корзине первичен по отношению к составляемому списку продуктов) [Серль, 1986, с. 172, 173].

В экспериментальном задании в нашем проекте[1] испытуемые действуют совместно, но часть деятельности, которая достается каждому участнику, соотносима с одной из двух указанных ситуаций. Так, участник, выполняющий роль «инструктора», имеет перед глазами некоторое положение вещей в мире (конструкцию

1 Экспериментальная работа проводилась в 2006–2009-х годах в Лаборатории когнитивных исследований СПбГУ.

из Лего или в другом варианте эксперимента разложенный на столе в определенном порядке набор фотографий облаков в небе). Он должен отразить это положение в своих словах с тем, чтобы другой участник, которому досталась роль строителя, руководствуясь словами инструктора, составил из имеющихся у него деталей такую же конструкцию (или разложил перед собой фотографии в том же порядке), т. е. воплотил бы слова в определенном положении вещей в мире.

Отметим, что в некоторых важных отношениях эти образы, заимствованные у Л. Витгенштейна и Дж. Серля, оказываются неприменимы к описанию того, чем занимались испытуемые в нашем эксперименте. Дело в том, что инструктор не просто описывает некоторое положение вещей в мире, а делает свой вклад в совместную деятельность, и это нечто принципиально другое по сравнению с монологическим описанием. Последовательное монологическое и не учитывающее реакции партнера описание того, где что лежит или из чего состоит конструкция, встретилось нам лишь в единичных эпизодах, в которых и в роли инструктора, и в роли строителя выступали больные шизофренией. Но такое описание не приводило к воспроизведению строителем правильной конструкции и оказывалось в сущности проявлением глубоких нарушений способностей к продуктивному взаимодействию. Большинство инструкторов в эксперименте понимали свою задачу не как описание, а скорее как реализацию некоторого алгоритма продуктивных действий, направленных на то, чтобы партнер воссоздал некоторое положение вещей. Чтобы строитель воспроизвел конструкцию, требуется последовательность шагов, каждый из которых с разной степенью подробности может обсуждаться участниками, а не сводится к выдаче инструкции одним участником и ее исполнению другим. Скажем, инструктор дает описание очередного элемента (найти такую-то деталь, например фотографию), а затем, когда этот элемент найден партнером и этот факт обсужден и принят обоими участниками, указывает место этого элемента в конструкции (прикрепить или положить ее туда-то), что в свою очередь может обсуждаться и проверяться.

Интерактивный характер этой совместной деятельности отличает ее и от построения конструкции по описанию, и от последовательного выполнения некоей готовой инструкции по сборке. Инструкции могли бы, например, быть написаны на бумаге или записаны на магнитофон и прослушиваться строителем, который мог бы останавливать проигрываемую запись. Выполнение такого задания потребовало бы больше усилий и времени, чем в условиях диалога [Burke, 1982, цит. по: Suchman, 2007, с. 115]. И здесь дело не в словах, которые строитель слышит, а именно в отсутствии взаи-

модействия с инструктором. Так, когда по условиям эксперимента есть еще третий участник — подслушивающий строитель, который не имеет права говорить, хотя и слышит от инструктора все то же самое, что и участник-строитель, который с инструктором может общаться, то подслушивающий оказывается куда менее успешным в сборке, чем строитель [Schober, Clark, 1989]. Ведь строитель — сертифицированный участник этой коммуникативной ситуации, он в отличие от подслушивающего может рассчитывать на то, что инструктор подстраивает свои высказывания под него.

Подобные эксперименты встраиваются в довольно долгую традицию исследования «референциальной коммуникации» и эгоцентризма при помощи «заданий на соответствие» (matching tasks, см. исторический обзор [Yule, 1997], а также содержательное изложение основных результатов последних лет в свете деятельностного подхода к диалогу в [Schober, 2006]). Начало традиции было положено Жаном Пиаже, который считал эгоцентризм интеллектуальной позицией, свойственной детскому мышлению. Ребенок до определенного возраста неспособен учесть разницу между собственной точкой зрения и возможной перспективой другого человека. Отсюда проистекает и его неумение подстраивать свои высказывания под собеседника (в отличие от речи ребенка-дошкольника речь нормально социализированного взрослого в общем случае характеризуется учетом адресата[1]), и его ошибочная убежденность в том, что он все сразу понял в словах партнера, хотя на самом деле понял что-то совсем другое [Пиаже, 1994]. В 1960-е годы в США экспериментальные исследования референции и использования выражений, отсылающих к конкретным объектам, проводили Сэм Глаксберг, Роберт Краусс, Сидни Вайнхаймер и Роберт Вайсберг. В частности, ими были предложены экспериментальные задания в условиях затрудненной коммуникации, которые ограничивают доступ участников к той или иной информации в мире, где помещены потенциальные референты (см., например, [Glucksberg, Krauss, Weisberg, 1966], где приводятся данные эксперимента, в котором дети-участники разделены непрозрачной перегородкой).

В современной версии экспериментальная парадигма исследования коммуникации в диаде в условиях затрудненной совместной деятельности разработана в 1980–1990-е годы классиком психологического исследования коммуникативного взаимодействия

1 В конверсационном анализе это свойство высказываний обозначается как «recipient design» [Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974, p. 27]. Высказывания подстроены именно под данного собеседника, что выражается, в частности, в выборе слов и формулировок, а также отборе тем и сообщаемой информации.

Гербертом Кларком и его сотрудниками, и развита в последнее десятилетие Сьюзен Бреннан. В рамках предлагаемого ими подхода, синтезирующего достижения прагматики и этнометодологической парадигмы (в частности, конверсационного анализа), исследуются речевая коммуникация в совместной деятельности и процедуры, относящиеся к установлению фонда разделяемых пресуппозиций[1], обеспечению референции[2] и дейктического укоренения высказываний, проверке партнерами взаимопонимания, совместного определения релевантного контекста (см., в частности, [Duranti, Goodwin, 1992]). В работах Кларка и соавторов [Wilkes-Gibbs, Clark, 1992; Metzing, Brennan, 2003; Clark, Krych, 2004] предложены основные принципы методики, на которую опирались и наши эксперименты.

Заметим, что у этих работ с самого начала было заметное прикладное значение. Исследование того, как устроен диалог (и шире взаимодействие людей в ходе совместной деятельности), в конце 1980-х оказало влияние и на понимание взаимодействия человека и компьютера, и на проектирование интерфейсов, и на становление исследования рабочего взаимодействия между людьми, опосредованного компьютером[3]. Среди прочего исследования были нацелены на раскрытие закономерностей того, как люди понимают и используют инструкции, в частности, во взаимодействии человека с техническими устройствами. Трудность состоит в том, что инструкция неоднозначна и требует от исполнителя интерпретации, укоренения в реальности. Проблемы передачи инструкций пользователю оказываются частным случаем проблемы «следования правилу», как она поставлена Л. Витгенштейном [Волков, 1998]: во-первых, требуется идентифицировать ситуацию, подпадающую под некоторый данный пункт инструкции, и, во-вторых, требуется выполнить этот пункт, не описывающий действия исчерпывающим образом.

В классической работе Люси Сачмэн, где показано, каким образом этнометодологический подход к взаимодействию повлиял на разработку интерфейсов, подробно анализируется взаимодействие пользователя и копировального аппарата, который реагирует

1 Имеется в виду то, что Кларк называет «grounding», см. подробно об этом понятии [Clark, Brennan, 1991; Clark, 1996, p. 221, 252].

2 Психологические работы, посвященные референции, исследуют не языковые средства сами по себе, а их использование в речи. Соответственно референция рассматривается здесь в перспективе прагматики как процесс — в частности, как процесс сотрудничества, связанный с выполнением «задания на соответствие» [Clark, Wilkes-Gibbs, 1992], а не как свойство языкового знака.

3 Т. н. CSCW, или «computer-supported cooperative work».

на действия пользователя и выдает ему ситуативно привязанные инструкции на экране [Suchman, 2007, p. 125–175]. Когда партнером человека выступает техническая система, выдающая сообщения пользователю, то и сама форма сообщений, и релевантный фрагмент мира, к которому эти сообщения отсылают, имеют свою специфику. Ведь и сообщения, и мир — это интерфейс устройства и его состояния, пользователю зачастую неочевидные[1]. Участники взаимодействия — и человек-пользователь, и система — имеют ограниченный доступ к информации о состояниях и действиях друг друга, при этом один из них (система) дает другому инструкции относительно действий, которые должны привести к выполнению некоторой задачи, на которую и нацелена деятельность. Затруднения вызывает и «непрозрачность» технического устройства для человека, и такая же непонятность намерений человека для технического устройства[2].

В экспериментах с заданиями на соответствие моделируются эти затрудненные условия коммуникации, например, общение через ширму и отсутствие визуального контроля над действиями партнера оказывается аналогом части ограничений, присущих такому взаимодействию.

Представим себя на месте инструктора: мы говорим нашему невидимому за ширмой партнеру-строителю что-нибудь вроде «прикрепи зеленую деталь посередине большой красной», имея в виду, что большая красная и зеленая детали — единственные в имеющемся у него наборе, а потому не требуют дальнейшего уточнения. В коммуникации лицом к лицу по действиям партнера с деталями, а еще раньше по направлению его взгляда и целому ряду невербальных характеристик мы узнали бы, принял ли он наше сообщение и выполнил ли инструкцию. Не имея возможности это увидеть, мы полагаемся на то, что услышим сразу после нашей реплики. Мы будем истолковывать услышанное как ответ на нее. Это могут быть намеренно отосланные сигналы («угу», «готово», уточнение: «посередине?» и т. п.), а может быть и щелчок, который сопровождает соединение деталей конструктора. Молчание партнера мы расценим, возможно, как паузу — он в затруднении? Он ждет следующего хода? Почему он молчит? Может быть, он заснул?

Молчание и пауза — такие же важные компоненты взаимодействия, как и фонация; немалая часть разговоров состоит из отсут-

---

1 Обзор проблематики взаимодействия человека и интерактивных артефактов [Утехин, 2012].

2 «У компьютера нет глаз, откуда ему узнать, чего вы хотите? Жмите на кнопку!» (высказывание преподавателя компьютерных курсов для пожилых людей; сообщено аспиранткой ЕУСПб Л. Шатохиной).

ствия фонации, что конверсационный анализ аккуратно отражает в транскрипции. В условиях, когда мы не видим собеседника и обычные невербальные сигналы обратной связи нам недоступны, у нас меньше источников для интерпретации паузы. Мы можем только предполагать, получено ли наше сообщение. Это характерно, в частности, и для разговора по телефону, но такая проблема вообще нередко возникает, когда обратная связь от мира (или от партнера по диалогу) чем-то опосредована.

Опосредующее устройство может раствориться на границе меня и мира и перестать быть заметным, ср. известное рассуждение Мерло-Понти о трости слепого, которая не чувствуется как таковая, потому что ее кончик превратился в чувствительную зону и стал аналогом взгляда. В таких условиях слепой «не узнает о положении объектов через ощущение трости, а, скорее, наоборот: если и воспринимает трость, то в основном через положение воспринимаемых их объектов» [Merleau-Ponty, 1945, p. 167]. В определенный момент слепому может понадобиться дополнительное усилие, чтобы различить, чем является вычерпанная им информация: данными о состоянии предметов или данными о состоянии трости. Скажем, это сломался предмет, которого я коснулся тростью, или сломалась трость? Граница меня и мира может актуализироваться в момент сбоя, когда опосредующая инстанция не дает однозначного сообщения обратной связи.

Например, когда мы нажимаем кнопку (любую, будь то клавиша телефона или кнопка лифта), неплохо бы понимать, привело ли наше нажатие к изменению состояния системы: сработала ли кнопка, вызван ли лифт? В хорошем случае дизайнер предусмотрел, что кнопка, находящаяся в состоянии «нажато», посылает нам ответный сигнал: скажем, загорается и /или «залипает», а потом отщелкивается, когда лифт прибыл. В худшем случае мы можем несколько раз нажимать кнопку, не имея понятия о том, работает ли лифт, в порядке ли кнопка. А, может быть, мы просто слишком слабо нажимаем? Если специального сигнала обратной связи нет, то приходится истолковывать признаки. Скажем, отсутствие каких бы то ни было звуков и вибраций можно истолковать как признак того, что, сколько ни нажимай эту кнопку, лифт не придет.

То, что предусмотрел дизайнер, по сути, представляет собой сигнал о состоянии системы, которой мы оперируем. Помимо состояния системы он еще и сообщает нам, что система работает, т. е. является *метакоммуникативным* сигналом. Мы не обращаем на него внимания, он присутствует как фон, как часть контекста[1]. Но мы ну-

1 Ср. рассуждения Грегори Бейтсона [Бейтсон, 2000] о метакоммуникативном сигнале «это игра».

ждаемся в таком сигнале: скажем, при разговоре по телефону необходимо фоновое подтверждение того, что с каналом коммуникации все в порядке. Что служит признаком того, что связь не оборвалась, когда я перестал слышать голос собеседника? При передаче аналогового сигнала в традиционной проводной телефонии мы постоянно слышали в трубке специфический гул проводов, и этот фон, который исчез или поменялся бы, если бы связь прервалась, служил признаком того, что разговор продолжается. В раннюю эпоху существования мобильной связи передача сигнала прекращалась, когда говорящий прекращал говорить. В результате фоновый шум (например, шум улицы, по которой идет говорящий) не передавался по каналу связи. Однако сразу выяснилось, что пользователи чувствуют себя весьма некомфортно, обнаруживая в трубке полную тишину посреди разговора. Поэтому в системах, обслуживающих голосовую коммуникацию (в мобильных телефонах и в интернет-телефонии), вскоре получили распространение специальные схемы, генерирующие шум, чтобы озвучивать молчание собеседников. Такой шум пускается фоном в паузах (comfort noise, см. [Sauter, 2006, p. 43], причем система использует специальные алгоритмы, чтобы создать на конце получателя искусственный шум, аналогичный реальному шумовому фону отправителя. Такой сигнал выполняет метакоммуникативную, или фатическую в терминологии Р. Якобсона и Б. Малиновского [Якобсон, 1975], функцию по отношению к собственно телефонному разговору[1].

Эти примеры призваны проиллюстрировать то обстоятельство, что при коммуникации через ширму нужда в поддержании контакта при помощи сигналов обратной связи оказывается более заметна, чем при общении лицом к лицу. Ширма как опосредующее устройство как бы сужает полосу пропускания по сравнению с общением лицом к лицу, блокируя визуальные каналы, которые в фоновом режиме способствуют поддержанию диалога. Тут мы не видим, куда смотрит и чем занят наш собеседник, слушает ли он нас, слышит и понимает ли; все эти вещи обычно можно увидеть.

---

1 Естественный (или искусственно сгенерированный) фон, который мы слышим в трубке во время разговора, отличается от непрерывного гудка как эксплицитного закодированного сигнала готовности линии или прерывистого гудка «занято». В отличие от фона, который является органичной частью события коммуникации, гудки и звонок телефона как конвенциональные служебные сигналы вроде бы находятся вне собственно разговора, не являются его частью. Однако, как показал Эммануэль Щеглов, их возможно рассмотреть иначе. Звонок (а в трубке звонящего — гудок) влияет на ответное (речевое) действие того, кто снимает трубку, задает определенные ожидания относительно продолжения и потенциально является, таким образом, первым членом пары согласованных между собой речевых действий [Schegloff, 1968].

Как указывалось выше, интерактивность играет ключевую роль в успешном выполнении задания: когда строитель имеет возможность сделать свой вклад в создание контекста (например, задать вопрос, переспросить, потребовать уточнения подтвердить понимание и т. п.), инструктор может реагировать на этот вклад. И тогда инструкция из абстрактной схемы того, как вообще надо действовать, становится контекстуальной подсказкой, привязанной к текущим и все время обновляющимся обстоятельствам совместной деятельности[1]. Контекстуальные подсказки и инструкции, с которыми мы встречаемся сегодня в компьютерных программах, банкоматах, ксероксах и т. п., т. е. в коммуникации человека и технического устройства, используют принципы, предложенные на основании исследований того, как инструкции передаются в разных условиях коммуникации человека с человеком.

Наши эксперименты с заданием на соответствие включали в себя затрудненные условия особого рода: в одной из серий в роли инструктора или строителя выступал больной шизофренией, общавшийся со здоровым испытуемым; в другой серии оба участника были шизофрениками. Данные этих серий сопоставлялись с данными серии, где оба участника принадлежали к условной норме. Шизофреническая патология накладывает отпечаток на процесс взаимодействия, и в эксперименте. Наряду с отсутствием визуального контакта и доступа к важным для выполнения задания фрагментам реальности может возникать еще один малопредсказуемый барьер в виде поведения, не вполне прозрачного для обычного здравого смысла. При этом изначально предполагалось, что, несмотря на особенности шизофренического мышления, общий интеллект пациента снижен не очень сильно, а патология лежит скорее в сфере аффекта и мотивации.

Как указывают некоторые авторы [Corcoran, 2001; Brüne, 2005; Penn, Addington, Pinkham, 2006], причина проблем, которые возникают у шизофреника в области социального взаимодействия, возможно, кроется в специфическом для шизофрении нарушении способности представлять себе, что «в голове» у другого человека: что тот чувствует и думает, как он интерпретирует события и слова, что намеревается сделать. Эта способность к созданию модели психического (theory of mind) и приписыванию намерений типична для здоровых и преодолевших детский эгоцентризм взрослых и необходима, в частности, для эффективного общения. Если бы такая способность отсутствовала вовсе, вывод имплицитной информации с опорой на принцип кооперации и механизмы, описанные

1 О соответствующем понимании того, что такое контекст, см. [Утехин 2013].

Г. П. Грайсом [1985], был бы невозможен[1]. В этом русле в 1970-е был предложен способ анализа, связывающий «чтение мыслей» и эллипсис гипотетически восстанавливаемых непроговариваемых сообщений, ср., в частности, у И. Гофмана [Goffman, 1981, p. 6–15]. С опорой на представление о кооперативном характере взаимодействия презумпция релевантности позволяет интерпретировать реплики вроде второй в примере 1 как релевантные[2]:

Пример 1

1A Ты пойдешь?

2B *Работы много.*

Мы имеем возможность аналитически восстановить опущенные звенья:

Пример 2

1A Ты пойдешь?

1B *Нет.*

2A *Почему?*

2B Работы много.

Приписывание партнеру коммуникативных намерений и целей в совместной деятельности не совсем закрыто для шизофреника, но эта способность работает у него в особом режиме. Внешне это может проявляться в несколько аутичном стиле общения и ограниченной подстройке высказываний под собеседника, как если бы человеку не было дела до того, что на уме (и что особенно важно в задании на соответствие перед глазами) у его партнера. В других случаях это выглядит как произвольное приписывание партнеру намерений и чувств (например, пациент с параноидной симптоматикой может подозревать, что партнер по коммуникации специально его запутывает). Есть экспериментальные данные, которые свидетельствуют, что шизофреники менее успешны в понимании намеков, чем нормальные испытуемые и представители других клинических популяций[3].

---

1 Грайсова прагматика, как известно, ставит во главу угла распознание получателем намерений отправителя, и пытается объяснить зазор между значением предложения и реализующимся в высказывании значением отправителя как приложение человеческой способности прочитывать намерения другого человека. Дэн Спрербер и Дейдре Уилсон в цикле недавних работ (см., например, [Wilson 2000; Sperber, Wilson, 2002]) для объяснения «чтения мыслей» партнера в ходе речевой коммуникации постулируют наличие специализированного «модуля метарепрезентации» и описывают возможные принципы его работы.

2 Примеры 1 и 2 заимствованы из [Goffman, 1981, p. 9].

3 Испытуемым предъявлялись серии заданий, содержавших краткую историю и вопрос, например: «Приближается день рождения Ревекки, и она говорит своему отцу: „Я люблю животных, особенно собак“. Вопрос:

Эти особенности могут влиять на согласованность и эффективность взаимодействия, поскольку затрагивают базовые механизмы коммуникации. Так, Герберт Кларк отталкивается в своем подходе к диалогу от представления о разговоре как совместном действии, которое существенно отличается от действий, которые не предполагают партнера. Например, игра на фортепиано в четыре руки, танец вдвоем или несение дивана (вдвоем) по лестнице отличаются от несения стула по пустому коридору одним человеком или от обычной игры на фортепиано вне ансамбля. Совместные действия с необходимостью предполагают согласование вкладов участников и взаимную координацию перспектив. Кларк, а вслед за ним Левинсон [Clark, 1996, ch. 3; Levinson, 2006, p. 48–50] указывают на связь скоординированности представлений участников с понятием «взаимно-очевидной выпуклости»[1] объекта или события, отсылка к которому может содержаться в высказывании. Скажем, если и я, и мой гость оба слышим, как из-за окна раздается визг тормозов и удар, то релевантность моего замечания «у нас тут под окнами на перекрестке каждый день машины бьются» определяется тем, что оно примыкает по времени к только что услышанному нами звуку и понимается как реакция на событие, которое взаимно-очевидным образом в данный момент оказывается в фокусе нашего внимания (см. о рамке взаимного внимания [Томаселло, 2011, с. 79–83]).

Левинсон [Levinson, 2006, p. 49] отмечает роль представлений о том, как партнер воображает, что у меня в голове относительно того, что в голове у него. Если подобные представления (типа «я знаю, что он знает, что я знаю, что он знает») есть и у меня, и у моего партнера, то в таком «зеркальном» мире я могу рассчитывать на то, что его высказывание окажется сформулировано с учетом меня как адресата и текущей ситуации. И, наоборот, мой партнер вправе ожидать от меня подстройки моих высказываний под него.

Наши эксперименты дали возможность увидеть стратегии и формы взаимодействия в норме и патологии. Предполагалось, в частности, что в отношении эффективности (затраты сил, слов и времени), а также в отношении репертуара и встречаемости разных

что на самом деле имеет в виду Ревекка в своих словах?». Если испытуемый затрудняется с выведением значения речевого акта, ему предлагается дополнительная возможность: «Дальше Ревекка спрашивает отца: „Зоомагазин открыт в мой день рождения?“ Вопрос: что Ревекка хочет, чтобы сделал ее отец?» [Corcoran, 2001, p. 155].

1 *Joint salience* или *mutual salience*; имеются в виду те аспекты ситуации, которые бросаются в глаза и представляются наиболее релевантными с учетом того общего фона, который взаимосогласован к данному моменту (*common ground*).

коммуникативных ходов (функциональных типов высказываний) норма и патология будут отличаться. Различия и тенденции действительно обнаружились, но и патология, и норма оказались очень вариативны. Присутствие в диаде шизофреника предсказуемо приводило к менее эффективному выполнению задания: большему числу ошибок, преимущественному использованию более простых средств для сообщения пространственной информации. Так, например, и шизофреники, и нормальные испытуемые в паре с шизофрениками стараясь упростить задачу. Они тяготели к использованию абсолютных и предметных, а не относительных систем координат (например, вместо «справа» говорили «ближе к окну»)[1]. В задании с раскладыванием фотографий в парах шизофреников зачастую терялось одно из измерений задания. Найдя нужную фотографию и определив ее место, строитель зачастую не интересовался, а инструктор не считал нужным сообщить, как эта картинка ориентирована.

Хотя в сравнении с шизофрениками пары здоровых испытуемых реже совершали ошибки и всегда добирались до конца, нельзя сказать, что в норме задание выполняется быстрее. В отношении интерактивной длины успешных эпизодов взаимодействия[2] пары нормальных испытуемых в среднем превосходили пары шизофреников, т. е. оказывались в основном более говорливыми, причем у нормальных участников практически не встречались паузы, превышающие пять секунд, тогда как в парах шизофреников они имеются в каждом третьем эпизоде взаимодействия. В целом взаимодействие в норме более интерактивно: здесь чаще встречаются подхваты (случаи, когда один партнер продолжает высказывание, начатое другим партнером), эхоические повторы в разных функциях (когда реплика-продолжение повторяет частично или целиком

1 Если бы испытуемые сидели рядом, хотя бы и разделенные ширмой, у них скорее всего не возникало бы сомнений относительно того, как соотносятся между собой правое и левое обоих участников. Но они сидели лицом друг к другу, и иногда (в парах шизофреников) это порождало неожиданную проблему. Они полагали, что «мое „право“ это твое «лево»», как если бы они работали вместе над одним и тем же объектом, находясь по разные стороны от него. Поскольку же на самом деле их объекты были разные (оригинал конструкции или раскладки перед глазами «инструктора» и собираемая копия перед глазами «строителя»), попытка следовать этому принципу приводила к сборке зеркальной конструкции или зеркального расположения фотографий по отношению к оригиналу [Скопин, 2010]. Подробно о системах отсчета и их проявлениях в языке см. [Levinson, 2003a].

2 В отличие от хронологической продолжительности в минутах и секундах интерактивная длина измеряется в количестве ходов (реплик диалога).

реплику партнера), уточнения, поправки, самопоправки, запросы уточнений и поправок. Высказываниями этих типов участники обслуживают взаимопонимание в диалоге, демонстрируя вовлеченность в совместную деятельность.

Специфика задания определяла устройство деятельности как последовательности циклов: для каждой детали конструктора или фотографии нужно было сначала совместными усилиями найти ее, а затем поместить в нужное место и затем перейти к следующему элементу. И идентификация, и локализация элементов, и понимание высказываний и слов подвержены ошибкам, поэтому участники прибегают к проверке, а также к уточнениям, поправкам и запросам поправки. В патологии мы часто встречаемся либо с отсутствием проверки, либо с ее поверхностным характером, а также с невысокой требовательностью к согласованности общего фона.

В нормальной коммуникации участники ориентируются на некий приемлемый уровень осмысленности высказываний партнера. При выполнении задания это значит, что описания и инструкции не должны явно противоречить положению вещей перед глазами, а любой непонятный момент должен становиться предметом внимания и обсуждения, вплоть до приемлемого согласования взаимных перспектив: обнаружив расхождение, я пытаюсь выяснить, что здесь не так. В патологии не вполне понятные высказывания партнера нередко пропускаются мимо ушей, причем партнера об этом не извещают; в результате перспективы участников могут значительно расходиться, и собираемая строителем копия может существенно отличаться от оригинала.

Снижение требований к согласованности общего фона со стороны хотя бы одного из участников снижает шансы на успех, причем не спасает даже высокая интерактивность. Например, строитель-шизофреник может активно использовать дискурсные маркеры поддержания взаимодействия («угу» и др., а также сигналы, призванные извещать о завершении циклов идентификации или локализации) и тем самым создавать у партнера иллюзию взаимодействия, при этом совершая действия, очень отдаленно соотносимые с получаемыми от партнера инструкциями, что оказывается невозможно проверить. Фактически в таких обстоятельствах сохранный участник диады, когда он дистанционно прощупывает положение вещей и пытается управлять им, вынужден преодолевать еще один барьер[1].

1 Это напоминает попытки кэрроловской Алисы играть в крокет в условиях, когда в качестве клюшек выступают фламинго, неожиданно выгибающие шею в момент удара по мячу.

Отличаются норма и патология и в том, какие стратегии выбирают участники. Так, инструктор-шизофреник тяготеет к описательности и чаще всего опирается на простой формальный порядок (скажем, описывает фотографии одну за другой слева направо и сверху вниз), тогда как здоровый инструктор, скорее, склонен к алгоритмическому выстраиванию инструкции, организуя таким образом деятельность партнера и опираясь на каждом шаге на перцептивно-выпуклые признаки и избыточность. Например, он чаще прибегает к описаниям вроде «из оставшихся фотографий только на одной из них есть синее небо», и среди девяти фотографий, лежащих в три ряда и три колонки, он может начать с идентификации картинки, которая лежит по центру, чтобы в дальнейшем указывать локализацию по отношению к этой центральной фотографии. Здоровые испытуемые без труда оперируют различными средствами выражения, в фазе проверки прибегая к нескольким альтернативным (иногда метафорическим) описаниям одного и того же. Гибкость взаимодействия в норме проявляется и в том, что здесь нередко встречается ситуация, когда в фазе идентификации строитель берет на себя задачу описания объектов, если инструктор колеблется, тогда инструктору остается лишь указать локализацию объекта, который уже описан строителем. Подобная смена ролей оказывается для шизофреников слишком сложной и почти не встречается — похоже, они не вполне справляются с управлением совместной деятельностью[1].

Встречаемость многих типов действий и коммуникативных ходов связана именно с ролью участника в диаде, а не только с нормой или патологией, поэтому изложение результатов этих экспериментов потребовало бы демонстрации и анализа данных как по диадам, так и по ролям участников[2]. В данном случае нас интересуют те характеристики общения, которые связаны с управлением со-

---

1 Отсутствие гибкости и затруднения в выработке стратегий в новых ситуациях относятся в психологии к дефициту «исполнительных функций». В данном случае речь идет не только об этом явлении, свойственном шизофрении, но и о проблемах, связанных с социальным характером ситуации.

2 Эти роли таковы:
инструктор (норма) в паре со строителем (норма);
инструктор (норма) в паре со строителем (патология);
инструктор (патология) в паре со»строителем (норма);
инструктор (патология) в паре со строителем (патология);
строитель (норма) в паре с инструктором (норма);
строитель (норма) в паре с инструктором (патология);
строитель (патология) в паре с инструктором (норма);
строитель (патология) в паре с инструктором (патология).

вместной деятельностью — это те действия, которые можно отнести к метауровню.

Идея различать уровни организации сообщения как иерархически организованные в рамках теории логических типов была введена в широкий оборот Грегори Бейтсоном и работами группы Пало-Альто например, [Watzlawik, Beavin, Jackson, 1967]. К метауровню в их понимании принадлежит коммуникация о коммуникации, отсылающая к коду и его элементам (металингвистическое сообщение); к отношениям, которые связывают участников коммуникации; и к рамке, в которой предполагается осмысление коммуникативного действия, например, шутка это или нет (метакоммуникативное сообщение) [Бейтсон, 2000, с. 205].

Однако устное высказывание в коммуникации лицом к лицу представляет собой сложный комплекс выразительных средств, подчиняющихся разным закономерностям, и едва ли возможно применить понятие кода и кодированной передачи к коммуникации во всех ее проявлениях. Такой шаг представлялся некоторой натяжкой уже на раннем этапе развития семиотики невербальной коммуникации: схема К. Шеннона и У. Уивера не предназначена для моделирования явлений, где передача сообщения не намеренна и где нет заранее согласованного кода, разделяемого отправителем и получателем. Между тем большинство сигналов, указывающих на то, какой код употребляется (и шире — на какие конвенции следует опираться при интерпретации[1]), носят имплицитный характер, могут находиться вне фокуса внимания, передаваться ненамеренно; зачастую они указывают также на отношения между участниками и на статусы участников.

Высказывания метауровня и средства их оформления привлекали внимание исследователей в последней трети XX века. Скажем, в области межличностной коммуникации в традиции Пола Вацлавика изучалось функционирование метакоммуникативных высказываний уровня отношений (вроде «как ты со мной разговариваешь?» или «не матерись при ребенке»). Специалисты по анализу дискурса обращали внимание, например, на фреймирующие высказывания в дискурсе (вроде «возможно, я говорю банальные вещи,

---

Пары всех типов (здоровые со здоровыми, шизофреники с шизофрениками и смешанные пары) участвовали в четырех эпизодах: каждый участник выступал и в качестве инструктора, и в качестве строителя в двух типах заданий — с конструктором и с фотографиями. Поэтому возможно было наблюдать эффект научения, иначе говоря, выработку рутинных способов взаимодействия в паре при продвижении от первого задания к последнему.

1 Ср. введенное Джоном Гамперцем понятие «маркеров контекстуализации» (contextualization cue), см. об этом [Gumperz, 2003; Levinson, 2003b].

но...»), цитирование, способы оформления разных «голосов» и т. п. Лингвисты в ряду таких языковых средств, которые оперируют одновременно на уровне кода и на уровне сообщения и в семантику которых встроена прагматика, обращались к разным видам индексальных значений, в том числе эгоцентрическим, и описывали, например, семантику метатекстовых элементов, предполагающих отсылку к позиции участника коммуникации[1].

Когда Р. О. Якобсон [1975] на рубеже 1960-х рассуждал о металингвистической функции, метаязык интересовал его как часть функциональной системы. Ее устройство он анализировал с опорой на представление о кодированной передаче, а не как инструмент, которым пользуются реальные говорящие для отсылок к интеракционным (а не информационным) рамкам, куда вставлено высказывание. Некоторые предложенные за два последние десятилетия подходы предлагают взгляд на явления метауровня коммуникации не с точки зрения психологии или семантики языка, а в перспективе их функционирования в речи. Это так называемые метапрагматика[2], или прагматика высказываний метауровня. Она описывает не метасистему, надстраивающуюся над языком, а компонент текущей коммуникации, при помощи которого участники коммуникации управляют ею [Bublitz, Hübler, 2007].

В рассмотренных нами диалогах предметом разговора является вполне обозримая сфера: деятельность, так или иначе связанная с выполнением экспериментального задания, и соответствующий фрагмент мира. Бóльшая часть высказываний относится к выдаче инструкций и обсуждению идентификации элементов и их локализации, в том числе к проверке правильности идентификации и локализации. Но имеется некоторое количество высказываний, которые не являются частью собственно референциальной коммуникации и поэтому до сих пор, насколько нам известно, они не становились применительно к подобному материалу предметом специального рассмотрения. К ним принадлежат и высказывания метауровня или, точнее, высказывания, которые включают в себя

1 Имеются в виду такие вводные слова и обороты с эгоцентрической семантикой, толкование которых включает в себя глагол «говорить» и предполагает указание на некоего субъекта («например», «в сущности (говоря)», «кроме шуток», «то есть», «между прочим» и т. п.), см. [Падучева, 1996, с. 276–278].

2 Термин ввел в оборот бывший гарвардский аспирант Р. О. Якобсона Майкл Сильверстайн [Silverstein, 1976], чтобы обозначить область рефлексивного использования языковых средств, когда явления и условия, связанные использованием языка, сами становятся предметом обсуждения в речи. См. также [Silverstein, 1993].

отсылки к тем или иным компонентам коммуникации и шире — производимой деятельности.

Таково, например, упоминание употребляемых терминов и способов обозначения элементов и их характеристик:

Пример 3

1С Все понял. Значит, тут тоже двухрядная. (4.8). Ну и куда ее сувать?

2И *Да не сувать, ее надо поставить с- с —*

3С Так. На какой ряд?

4И Сверху, справа[1].

Выделенный пример содержит так называемое металингвистическое отрицание [2].

Менее очевидным (но для нас более интересным) образом, нежели выделенная в примере реплика, относится к метауровню[3] содержащееся в первой строке примера эксплицитное сообщение об изменении информационного состояния говорящего: он не только рассуждает вслух, но и сообщает партнеру, как поменялось его представление об устройстве модели. Констатация «тут тоже двухрядная» не вызывает возражений партнера (в течение почти пяти секунд паузы[4]). В нормальной коммуникации это могло бы быть прочитано как признак того, что партнер отсутствием возражений подтверждает, что тут действительно «тоже двухрядная», в дальнейшем эта информация может обоими участниками рассматриваться как часть взаимосогласованного общего фона.

Дело в том, что своей репликой я не только высказываю нечто, но и демонстрирую мое понимание предыдущей реплики партнера. Поэтому когда я замолчал, я даю возможность партнеру не только идти дальше в разговоре, но и предоставляю ему возможность продемонстрировать, согласен ли он с той трактовкой его преды-

1 Здесь и ниже в примерах участники обозначаются как И (инструктор) и С (строитель).

2 О металингвистическом отрицании см., например, главу 3 в работе [Noh, 2000], где обозреваются существующие теоретические интерпретации и предложена в рамках теории релевантности трактовка таких высказываний, которые предполагают полное или частичное цитирование предыдущей реплики партнера, истинное значение которой при этом не отрицается, но отрицается (или, точнее, обыгрывается) контекстуальная уместность какого-либо из его стилистических компонентов.

3 К иному уровню, нежели указанный случай металингвистического отрицания; это метауровень не собственно коммуникации, а совместной деятельности по сборке конструкции, которую обслуживает коммуникация.

4 Пятисекундные и более длинные паузы практически не встречаются в парах здоровых участников в отличие от эпизодов взаимодействия шизофреников.

дущей реплики, которая вытекает из моего высказывания. Таким образом, высказывание «значит, здесь тоже двухрядная» в примере 3 работает не только как утверждение, но и как подача этого утверждения на одобрение партнеру. Оно содержит имплицитный вопрос «прав ли я, говоря так?». Согласие партнера может быть и эксплицитным, но уже и отсутствие поправки само по себе действует как подтверждение.

Если мы в достаточной мере понимаем друг друга и соглашаемся с тем, что нам такого понимания достаточно, чтобы двигаться дальше, мы просто двигаемся дальше. Фактически это означает, что метакоммуникативное сообщение («я подтверждаю, что ты правильно меня понял») передается моим умолчанием, имплицитно, без специальных внешних маркеров.

Герберт Кларк относит такие сообщения к средствам согласования общего фона (grounding) и полагает, что презентация высказывания партнеру подразумевает вопросы, относящиеся к разным уровням фона («Ты меня слышишь? понимаешь ли ты сказанное? понимаешь ли ты, что я хочу этим сказать?»). Следующей репликой партнер либо инициирует поправку, либо подразумевает положительный ответ на эти вопросы [Clark, 1996, p. 243]. При этом последовательность таких имплицитных вопросов и сообщений-ответов на них («Прав ли я, говоря так?» — «Я подтверждаю, что ты правильно меня понял» ...) составляет вспомогательный побочный проект, параллельный основному совместному проекту, который реализуют участники в диалоге. Получается, что каждое высказывание выполняет более чем одну функцию. Составляющие этого метауровня диалога могут эксплицироваться в определенных обстоятельствах, но обычно разумеются сами собой.

Эксплицитные вспомогательные проекты касаются не локальной организации разговора, а его содержания. Имеются в виду подобные последовательности реплик:

Пример 4

1A У вас есть батарейки?

2B *Какие вам нужны?*

3A *Мизинчиковые.*

4B Нет, мизинчиковые кончились.

Вставная последовательность выделена курсивом. Зависимость между вопросом (1) и ответом на него (4) оказывается дистантной, потому между ними помещается обмен репликами (2–3).

Стивен Левинсон [Levinson, 2006, p. 46–47] полагает, что структуры типа вставных последовательностей в примыкающие пары реплик — результат действия базовых механизмов человеческого коммуникативного взаимодействия. Отличительная особенность подобных паттернов взаимодействия, в частности, в том, что они

демонстрируют настроенность диалога на кооперацию. Когда мы в рамках общего проекта имеем в виду некую цель, но на некоторое время (а вставные последовательности реплик могут оказываться продолжительными) как бы отодвигаем эту основную цель на полку, чтобы создать условия для ее реализации, это свидетельствует о нашей направленности на сотрудничество в пределах этого локального проекта. Логика Герберта Кларка, который выделяет параллельные служебные дорожки по отношению к основному проекту, позволяет увидеть и здесь локальные вспомогательные проекты [Clark, 1996, p. 241–245]. Так, если основной проект — выяснить, есть ли в продаже батарейки, то вспомогательный — выяснить, какого типа батарейки нужны.

Рассмотрим этот гипотетический пример в модифицированном виде:

Пример 5

1A У вас есть батарейки?
2B Какие вам нужны?
3A Мизинчиковые.
4B Мизинчиковые?
5A Тоньше пальчиковых, но такие же по длине.
6B Никогда не слышал, чтобы их так называли.
7B Нет, мизинчиковые кончились.

Здесь от побочного проекта (выяснение, какие нужны батарейки) отпочковался еще один, запущенный инициацией поправки в строке 4 и содержащий обсуждение термина «мизинчиковые».

Поправка (repair) [Liddicoat, 2007, p. 171–212; Kitzinger, 2013] относится к числу важнейших средств администрирования текущего речевого обмена. Понимание может относиться к разным уровням, как и непонимание, и соответственно запросы поправки и переспросы, адресующиеся к конкретным случаям непонимания[1]. В диаде, участники которой следят за согласованностью общего фона, отсутствие запросов поправок может означать, что фон согласован в приемлемой степени на всех этих уровнях. И поправка (и инициация поправки), и вставные последовательности принадлежат к одному классу явлений: они запускают вспомогательный проект и связаны с ориентацией участников взаимодействия на общую цель в пределах совместных проектов.

1 Поняв мою реплику, мой партнер понял, что к нему обращаются; услышал высказывание, расслышав все слова; понял значение слов; понял референцию имен и именных групп; понял значение предложения; понял «значение говорящего» (иллокутивную силу высказывания), соотнеся его с актуальным контекстом.

Показательно, что в парах шизофреников встречались случаи, когда на протяжении фрагмента диалога участникам не удавалось сохранить общую направленность на основной проект, и они сбивались на частные, более мелкие вспомогательные проекты, не возвращаясь к изначальной цели. Так, участники иногда прибегают к проверке, но им так и не удается убедиться в том, что их перспективы согласованы. Любой объект потенциально имеет большое число характеристик, но только часть из них имеет смысл как релевантные, различительные признаки на фоне данного набора предметов. Между тем участники могут долго спорить, уточнять характеристики уже правильно установленного объекта (фотографии), потому что не все описывающие его выражения показались однозначно интерпретируемыми. Подобные споры могут стать на место основного содержания деятельности и длиться бесконечно долго. Это может быть связано с трудностями установления тех признаков, которые являются «взаимно выпуклыми» (т. е. релевантными в перспективе обоих участников)[1].

Наряду с локальными побочными проектами встречаются такие ходы разговора, которые относятся к регулированию деятельности в целом. См., например, самое начало одного эпизода:

Пример 6

1С Нам нужно победить.
2И Вау!
3С *Давай с простых.*
4И *На них должно быть написано «она простая»* (*смеется*).
5С *Там, где голубые кусочки.*
6И У тебя четыре фотографии с голубыми кусочками.
7С Да. Ну, вот я условно отсортировала четыре.

Центральные реплики этого примера относятся к организации дальнейшей деятельности, как и любое эксплицитное проговаривание стратегии и согласование действий участников, скажем, разговор о том, кто и в какой последовательности будет описывать элементы. Может показаться, что присутствие таких планирующих и организующих (по отношению и к инструктированию, и выполнению) высказываний — нечто само собой разумеющееся. Однако в нашем корпусе есть два типа эпизодов, где такие высказывания практически отсутствуют. Это, во-первых, эпизоды (оба участника — шизофреники), где инструктирование носит описательный характер, а интерактивность невысока или носит формальный харак-

1 Мы ввели рабочий термин «персеверация проверки» для обозначения таких случаев.

тер (так что поправки и переспросы почти не встречаются)[1]. Такие эпизоды никогда не приводят к выполнению задания без ошибок. Во-вторых, это самые короткие и эффективные диалоги в парах здоровых испытуемых, где объяснения со стороны инструктора носят алгоритмический характер, требовательность к взаимной согласованности фона высока, а реплики «строителя» сводятся по большей части к сигналам о завершении фаз деятельности («угу», «дальше»)[2] и запросам уточнений. Эффективность здесь определяется, в частности, тем, как эффективно тут работают умолчания и насколько зеркальным оказывается мир взаимодействия, в котором взаимно очевидны выпуклые характеристики.

В одном таком эпизоде, завершив сборку, инструктор прибегает-таки к высказыванию уровня организации деятельности («Проверяться будем?») и слышит в ответ: «Да нет, вроде бы и так все ясно».

Когда все ясно и само собой разумеется и в организации деятельности, и в общении, диалог действительно может оказаться кратким, но это результат работы, которая в таком случае остается скрытой — работы по внутренней организации диалога и согласованию общего фона. В кратком и эффективном диалоге информация метауровня в значительной мере остается имплицитной.

Есть две роли, которые в наибольшей степени склоняют участника к разного рода высказываниям метауровня, и к тем, которые обращены к разным аспектам деятельности, и к тем, которые обслуживают общение. Это роли здорового участника, будь то инструктора или строителя, в смешанных парах, где партнером выступает шизофреник. Если партнер здорового участника оказывается коммуникативно и когнитивно менее компетентен, то это возможно компенсировать своими усилиями, взяв на себя инициативу по ор-

1 Внешне это выглядит так, как если бы «строитель» не утруждал себя поисками и проверками, а делал первое, что ему кажется подходящим под услышанное от партнера, а инструктор не интересовался бы тем, как поняты его слова, полагаясь на строителя. Они как бы «отбывают номер», имитируя взаимодействие. Выше мы говорили об этом как о критическом снижении требовательности к согласованности общего фона.

2 Для каждой из двух функций (либо выражение готовности перейти к следующему элементу в выполнении задания, либо поддержание диалога и фатический, по Якобсону, сигнал о внимании и понимании) имеется свой набор таких continuers (см. об этом разряде дискурсных маркеров [Schegloff, 1982]); «угу» и «да» принадлежат обоим наборам. Примечательно, что эти служебные сигналы, управляющие ходом деятельности по сборке и поддерживающие взаимность в диалоге, представляют собой минимально необходимую инфраструктуру интерактивности: без этих сигналов или их аналогов выполнение задания невозможно.

ганизации совместной деятельности и общения. Инструментом выступают высказывания метауровня.

При анализе данных корпуса в поле нашего внимания попали следующие разряды таких высказываний:

a. относящиеся к общей организации деятельности (типа «ты объясняй, а я буду говорить, где она»);
b. констатация состояния совместной деятельности (типа «у нас осталось три») и оценка предыдущей фазы совместной деятельности и ее результатов (типа «мы все сделали неправильно»);
c. описание или оценка собственного состояния в данный момент деятельности или обслуживающей деятельность коммуникации («у меня две детали осталось», «что-то я запутался», «трудно объяснить»; к этому типу высказываний примыкает своеобразная эгоцентрическая речь, представляющая собой комментирование собственных действий, выставляющая на рассмотрение партнера некоторое положение вещей);
d. описание действительности, находящейся перед глазами партнера, как я могу ее смоделировать, в том числе и объяснение расхождения с полученным описанием («у тебя она другой стороной лежит, переверни»);
e. реакция на обнаруженное расхождение словесного описания и реальности, представляющая собой ретроспективное разъяснение «а я-то думал, что...»);
f. метакоммуникативные высказывания, отсылающие к отношениям между участниками, к их статусам, намерениям или коммуникативным действиям («вы меня обманываете»); метаязыковые высказывания («вообще-то мы это называли «кнопками»);
g. поправка (ее разные типы — самопоправка[1] и поправка со стороны партнера, относящаяся к разным содержательным уровням);
i. переспрашивание (инициация поправки, относящейся к разным уровням коммуникации и деятельности) и уточняющий запрос, относящийся к содержанию высказывания;
j. регулирование фаз деятельности — маркер готовности (следующий/дальше), сообщение о готовности, которое может иметь, в частности, форму вопроса или сообщения о собственном информационном состоянии («понял»); сюда при-

1 Классификацию типов самопоправки в корпусе диалогических взаимодействий по выполнению задания см. в серии работ У. Левельта [Levelt, 1983].

мыкает и оценка слов или действий партнера, способная нести имплицитную информацию о готовности перехода к следующему циклу сборки («все правильно», «хорошо»);

k. маркеры обратной связи («угу», «ну», «да» и др. continuers);

l. «эхо»: примыкающий повтор высказывания (или части высказывания) партнера в своей реплике;

m. «подхват» (ситуация, когда высказывание одного участника завершается его партнером);

n. метакоммуникативные высказывания, отсылающие к организации речевого обмена («не так быстро», «можно еще раз»).

Подхват (пункт m) попал в этот список неслучайно. Ситуацию, когда высказывание P, описывающее положение вещей W, подхвачено партнером, можно представить как попытку сказать нечто вроде: «Ты хочешь сказать, что положение вещей W, на которое направлено и твое, и мое внимание, может быть описано как P, и я это уже знаю и сам могу сформулировать P». Подхват предполагает некий ответный сигнал со стороны партнера, чье высказывание было подхвачено, чтобы подтвердить или опровергнуть результат.

Пункт d в этом списке предполагает, что один партнер озвучивает то, как он представляет себе, что перед глазами партнера. Начало такого описания может и не оформляться маркерами (вроде «значит», «у тебя» или «перед вами»). Будучи представлено на утверждение партнеру, такое высказывание тоже содержит имплицитный компонент значения, который можно перефразировать как «правильно ли сказать, что P?», но описание отсылает не собственно к фрагменту мира, а к его модели в сознании партнера.

Отметим аналогичное рассуждение о металингвистическом характере называния предмета в статье Р. О. Якобсона про два полюса языка и два типа афатических отклонений [Якобсон, 1990, с. 118–120], призванное объяснить, почему больные, страдающие парадигматической афазией, не могут назвать показываемый им предмет. По сути дела, утверждает Якобсон, показывание предмета и называние его есть металингвистическая операция: суждение типа «в коде, которым мы пользуемся, этот объект называется так-то». Между тем люди, страдающие расстройством отбора (парадигматической афазией), не способны к металингвистическим операциям[1]. В наших экспериментах операция, имеющая целью проверить, насколько согласовано информационное состояние собеседников,

1 Ср. также у У. Эко [Eco, 1976, p. 167, 168]: высказывание «это кот» про сидящее на окне животное предполагает, что я сравниваю два семиотических объекта: то, к чему отсылает языковое выражение, и то, что является содержанием акта восприятия. Для начала я опознаю кота как кота, применяя культурную схему к некоторому воспринимаемому объекту. Сличение вы-

затрагивает не языковой код, а способ описания в речи. Такая проверка отличается от обычного описания и внешне может проявляться в состоящих из нескольких шагов обменов репликами, где один из участников одну за другой подтверждает или опровергает указываемые партнером подробности (см. [Утехин, 2013] о том, что такие контексты могут выносить за скобки метакоммуникативный компонент, относя его к целой серии высказываний).

Приведенные в списке функциональные типы реплик различаются по целому ряду параметров, но имеют нечто общее: они отклоняются от основного проекта в сторону, отсылая к разным компонентам и аспектам деятельности, либо запуская вспомогательные проекты (a — i), либо обслуживая речевой обмен и поддерживая интерактивный характер деятельности (j — n). Беря на себя управление совместной деятельностью, участник прибегает к использованию средств из этого арсенала, тем более в условиях, когда предполагает, что не может вполне полагаться на имплицитный метауровень высказываний. Так, например, отсутствие поправки на следующем шаге диалога может не означать подтверждения, а быть следствием снижения требовательности партнера к согласованности общего фона.

Выигрываем ли мы что-то в плане теоретического объяснения, рассматривая эти явления вместе? Пока они даны списком, это лишь инструмент, помогающий оценить разницу в тех вкладах в совместную деятельность, которые демонстрируют в разных ролях шизофреники и здоровые испытуемые. Можно сделать вывод, например, о том, что патология демонстрирует дефицит эксплицитной планирующей деятельности и координации совместной деятельности, а наряду с недостаточной или отсутствующей проверкой практически не дает металингвистических высказываний[1].

Возможно, однако, что выделение под рубрикой «явлений метауровня» хотя бы и столь разнородного набора типов действий в диалоге может нам помочь в переосмыслении того, как устроена «совместность» совместной деятельности. Здесь мы отталкиваемся от восходящего к семиотической психологии представления Л. С. Выготского о том, что когнитивные процессы опираются на семиотические средства и не ограничены головой и телом одного человека, а могут включать в себя артефакты и системы репрезентации информации. Такие действия, распределенные в рамках

ражается глаголом-связкой «есть» (в русском высказывании опускаемой), которая могла бы быть заменена и указательным жестом.

1 Некоторые количественные данные были представлены в [Utekhin, Chernigovskaya, 2011].

системы, куда входит не только наше сознание, но и тело и вещи, мы производим постоянно. Например, используя для подсчетов пальцы, счеты, бумагу с ручкой вкупе с принятой у нас техникой умножения в столбик, или калькулятор. Если же в некоторую общую деятельность включены другие субъекты, у каждого из которых имеется доступ к своей части информации, причем результат зависит от их согласованных вкладов, то имеет место социальное распределение когнитивных процессов[1].

Трактовка задания на соответствие в качестве распределенного процесса влечет за собой взгляд на совместную деятельность как на принципиально диадное явление, не сводящееся к сумме действий участников и коммуникации между ними. Деятельность лишь в той мере оказывается совместной, в какой она опирается на динамическое взаимосогласованное представление действительности, внутри которого оперирует внимание, разделяемое участниками.

Поскольку участникам открыты разные фрагменты мира, которые им предстоит согласовать между собой, они действуют в своеобразной зоне ближайшего развития (в понимании, восходящем к Выготскому), которая на каждом этапе взаимодействия имеет двусторонний характер, ведь согласование перспектив идет и в ту, и в другую сторону. Коммуникация позволяет управлять вниманием и действием, а также выделять в общее пользование те или иные ресурсы, в том числе репрезентации информации, делая их публичными, доступными для негоциации их смысла, согласования и использования во взаимодействии участников. Метарепрезентация, в том числе представление идей, намерений и точек зрения друг друга, является одним из ресурсов[2].

При этом высказывания метауровня, увиденные как ходы диалога, вносящие свой вклад в интеракционное формирование контекста, можно рассматривать как реализацию социально-распределенного сознания участников. Их включенность в совместную деятельность определяется, в частности, «зеркальным» характером взаимного моделирования друг друга, обеспечивающим возможность подстройки высказываний под адресата, выведения имплицитных смыслов и работу имплицитного вспомогательного канала.

1 В этих терминах (socially distributed cognition) автор концепции распределенного познания Эдвин Хатчинз анализирует навигацию в традиционной культуре Микронезии и современной западной культуре [Hutchins, 1995].

2 Метарепрезентация не только по отношению к фрагментам мира, но и к любым другим компонентам и аспектам совместной деятельности, в том числе к метарепрезентации.

Проекция этого взгляда на совместную деятельность людей и на проблематику взаимодействия человека и компьютерного интерфейса могла бы стать развитием подхода, предложенного в конце 1980-х Люси Сачмэн [Suchman, 2007]. Коммуникация с техническим устройством как часть совместной деятельности опирается на те возможности (affordances), которые создал дизайнер; в частности, от дизайнера взаимодействия зависит, какие разряды информации могут становиться предметом сообщений со стороны системы и какого рода информацию система получает от пользователя имплицитно, а какую — эксплицитно. Если мы рассмотрим приведенный выше список типов высказываний метауровня (от a до n) на предмет того, существуют ли в известных нам интерфейсах аналоги высказываний этих типов, окажется, что для многих пунктов такие аналоги найдутся (это могут быть «поведенческие» проявления интерфейса, не обязательно вербальные сообщения). При этом арсенал средств, доступных системе, оказывается шире, чем возможности человека внести свой эксплицитный вклад в (совместную) метарепрезентацию.

Библиография

1. *Бейтсон Г.* Теория игры и фантазии // Бейтсон Г. Экология разума. М.: Смысл, 2000.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994.
3. *Волков В. В.* «Следование правилу» как социологическая проблема // Социологический журнал. 1998. № 3/4.
4. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985.
5. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
6. *Серль Дж. Р.* Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986.
7. *Скопин Г. Н.* Способы выражения пространственных отношений в ситуации затрудненной коммуникации (на материале совместной деятельности с участием больных шизофренией). Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики. СПбГУ, 2010 (**неопубликованная рукопись**).
8. *Томаселло М.* Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011.
9. *Утехин И.* Взаимодействие с «умными вещами»: введение в проблематику // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 134–156.
10. *Утехин И.* Невопросительные вопросы и интеракционный подход к контексту // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН/Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. IX. Ч. 2. Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головко. СПб.: Наука, 2013.
11. *Якобсон Р. О.* Два аспекта языка и два типа афатических отклонений // Теория метафоры/под ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Прогресс, 1990.
12. *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» // Сб. статей. М.: Прогресс, 1975.

13. **Brüne M.** *«Theory of Mind» in Schizophrenia: A Review of the Literature // Schizophrenia Bulletin. 2005. Vol. 31. No. 1. P. 21–42.*
14. **Bublitz W., Hübler A.** *Introducing Metapragmatics in Use // Metapragmatics in Use/W. Bublitz, A. Hübler (eds). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007. Vol. 165.*
15. **Burke J.** *An Analysis of Intelligibility and Practical Activity // Unpublished Doctoral Dissertation. University of Illinois at Urbana-Champagne, 1982.*
16. **Clark H. H.,** *Arenas of Language Use. Chicago: University of Chicago Press, 1992.*
17. **Clark H. H.,** *Using Language. Cambridge University Press, 1996.*
18. **Clark H. H., Brennan S. E.** *Grounding in Communication // Perspectives on Socially Shared Cognition. Washington: American Psychological Association, 1991.*
19. **Clark H. H., Wilkes-Gibbs D.** *Referring as Collaborative Process // Arenas of Language Use. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 107–143.*
20. **Clark H. H., Krych M. A.** *Speaking while Monitoring Addressees for Understanding // Journal of Memory and Language. 2004. No. 50 (1). P. 62–81.*
21. **Corcoran R.** *Theory of Mind and Schizophrenia // Social Cognition and Schizophrenia/W. Patrick and L. David (eds). Washington DC: American Psychological Association, 2001.*
22. **Eco U.** *A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1979.*
23. **Ekman P., Friesen, W. V.** *The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage and Coding // Semiotica. 1969. Vol. 1. P. 49–98.*
24. **Glucksberg S., Krauss R. M., Weisberg R.** *Referential Communication in Nursery School Children: Method and Some Preliminary Findings // Journal of Experimental Child Psychology. 1966. No. 3. P. 333–342.*
25. **Goffman E.** *Forms of Talk. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.*
26. **Gumperz J.** *Contextualization and Understanding // Language and Interaction: Discussions with John J. Gumperz. Amsterdam: John Benjamins, 2003.*
27. **Hutchins E.** *Cognition in the Wild. Cambridge (MA), 1995.*
28. **Kitzinger C.** *Repair // The Handbook of Conversation Analysis. Blackwell, 2013.*
29. **Levelt W.** *Monitoring and Self-repair in Speech // Cognition. 1983. No. 14. P. 41–104.*
30. **Levinson S.** *Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge University Press, 2003a.*
31. **Levinson S.** *Contextualizing «Contextualization Cues» // Language and Interaction: Discussions with John J. Gumperz. Amsterdam: John Benjamins, 2003b.*
32. **Levinson S.** *On the Human «Interaction Engine» // Roots of Human Sociality: Culture, Cognition, and Interaction. Oxford: Berg, 2006.*
33. **Liddicoat A. J.** *An introduction to Conversation Analysis. L.; N. Y.: Continuum, 2007.*
34. **Merleau-Ponty M.** *Phénoménologie de la Perception. Paris: Gallimard, 1945.*
35. **Metzing C., Brennan S. E.** *When Conceptual Pacts are Broken: Partner-specific Effects in the Comprehension of Referring Expressions // Journal of Memory and Language. 2003. No. 49. P. 201–213.*
36. **Noh Eun-Ju.** *Metarepresentation: a Relevance-Theory Approach. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000.*
37. **Penn D. L., Addington J., Pinkham A.** *Social Cognitive Impairments // The American Psychiatric Publishing Textbook of Schizophrenia/A. Jeffrey, T. Lieberman, S. Stroup (eds). Arlington: American Psychiatric Publishing, 2006.* **Sacks H., Schegloff E. A., Jef-**

ferson G. A. Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // Language. 1974. No. 50 (4). P. 696–735.

38. ***Schegloff E. A.*** *Sequencing in Conversational Openings // American Anthropologist. 1968. P. 1075–1095.*
39. ***Schegloff E. A.*** *Discourse as an Interactional Achievement: Some uses of «uh huh» and Other Things that Come between Sentences // Analysing Discourse. Text and Talk. Washington: Georgetown University Press, 1982.*
40. ***Schober M. F., Clark H.*** *Understanding by Addressees and Overhearers // Cognitve Psychology. 1989. No. 21. P. 211–232.*
41. ***Silverstein M.*** *Shifters, Linguistic Categories, and Cultural Description // Meaning and Anthropology. N. Y.: Harper & Row, 1976. P. 11.*
42. ***Silverstein M.*** *Metapragmatic Discourse and Metapragmatic Function // Reflexive Language: Reported Speech and Metapragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.*
43. ***Sperber D., Deirdre W.*** *Pragmatics, Modularity and Mind-reading // Mind & Language. 2002. Vol. 17. P. 3–23.*
44. ***Suchman L.*** *Human-Machine Reconfigurations: Plans and Situated Actions. 2nd ed. Cambridge University Press, 2007.*
45. ***Utekhin I., Chernigovskaya T.*** *Metacommunicative Devices in Spoken Discourse as Part of Processing Distributed Cognitive Tasks // Proceedings of the Fourth ISCA Tutorial and Research Workshop on Experimental Linguistics. 25–27 May 2011. Paris. ISCA and the University of Athens, 2011. P. 147–150.*
46. ***Watzlawick P., Bavelas J. D., Jackson Don D.*** *Pragmatics of Human Communication; A Study of Interactional Patterns, Pathologies, and Paradoxes. N. Y.: Norton, 1967.*
47. ***Wilkes-Gibbs D., Clark H. H.*** *Coordinating Beliefs in Conversation // Journal of Memory and Cognition. 1992. Vol. 31. P. 183–194.*
48. ***Wilson D.*** *Metarepresentation in Linguistic Communication // Metarepresentations: A Multidisciplinary Perspective. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 2000.*
49. ***Yule G.*** *Referential Communication Tasks. N. Y.: Lawrence Erlbaum, 1997.*